

Литвин А.А., КФУ, Казань,

Сальникова А.А., КФУ, Казань

«Красный» профессор Михаил Корбут (1899 – 1937)

«Смутное время» в истории Казанского университета – период 1920-х – первой половины 1930-х гг., время жестоких и часто не оправданных экспериментов, проводимых над высшей школой новой властью, прямо затронуло каждого из представителей университетской корпорации и университетское сообщество в целом. Ряд преподавателей был изгнан из университетских стен, отвергнут и забыт; другие, смирившись и приспособившись, продолжали работать; третьи, всецело приняв новые, советские установки, нормы и правила, сделали стремительные карьеры, достигнув головокружительных высот. К числу последних может быть отнесен историк, автор юбилейного двухтомника по истории Казанского университета (1930), профессор М.К. Корбут.

История жизни и творчества Корбута как представителя той генерации советских ученых, чья юность и зрелость пришлась на мятежные революционные и послереволюционные годы, сама по себе знакова и интересна. Выходец из интеллигентной семьи, сын польского пианиста из Ковно и казанской дворянки, маленький, тихий и незаметный в детстве, он сумел стать одной из самых авторитетных персон среди «пролетарского» студенчества Казани, бессменно возглавляя университетский рабфак в 1921-1926 гг. Он получил профессорское звание в возрасте 27 лет. Он оставил после себя более сотни научных работ – статей, обзоров, рецензий, не говоря уже о венчающей его творчество фундаментальной юбилейной истории Казанского университета за 125 лет его существования. Он занимал множество мыслимых и немыслимых постов, сотрудничал со множеством казанских и московских периодических и непериодических изданий, возглавлял целый ряд научных обществ, будучи членом РКП(б) с 1919 г., активно участвовал в общественной работе, выполняя множество общественных поручений. Все рухнуло в одночасье, когда в декабре 1927 г. Корбут был исключен из рядов партии за

участие в «троцкистско-зиновьевском оппозиционном течении», в 1933 г. арестован, а затем, в 1937 г. расстрелян как один из руководителей «контрреволюционной троцкистской, террористической организации».

Однако, помимо изучения истории жизни и научного творчества Корбута, ничуть не меньший исследовательский интерес представляет собой другой сюжет. Как произошло «возвращение» Корбута в отечественную историческую науку? Какие метаморфозы претерпело отношение к нему как к человеку своей эпохи и как к исследователю по мере развития самой отечественной историографии в перестроечный и постперестроечный период? Насколько успешно встраивается индивидуальная биография Корбута в просопографию «новых», «красных» профессоров, что в ней типично, а что уникально, и каково соотношение этой уникальности и типичности?

Как известно, после 1937 г. имя Корбута оказалось вычеркнутым из советской историографии на долгие десятилетия. Историки (А.Л. Литвин, А.Г. Циунчук, А.А. Элерт) начали упоминать его – и то лишь изредка и вскользь (в основном при изучении истории студенческого движения в Казани и деятельности Истпарта, казанскую подкомиссию которого возглавлял Корбут) – только в 1960-1970-е гг. Однако по-настоящему Корбут вернулся в историческую науку лишь на волне постперестроечной реабилитации (Литвин А.А. Корбут Михаил Ксаверьевич (1899-1937) // Возвращенные имена. Казань, 1990. С.111-115), когда впервые был поставлен вопрос о необходимости и возможности осмысления истории жизни этого необычного человека. Однако разрешить этот вопрос в тот период было еще очень сложно. Во-первых, сказывалась нехватка источников, во-вторых, что было не менее важно, образ безвинной жертвы сталинизма слишком сильно довлел тогда над сознанием исследователей, что приводило к идеализации и романтизации этой непростой личности. В коллективной монографии, посвященной изучению и преподаванию отечественной истории в КГУ, научная и педагогическая деятельность Корбута была представлена как пример успешной адаптации молодого ученого «из бывших» к новым, советским условиям (Сальникова А.А.

Становление советской системы исторического образования. 1917 – конец 1930-х гг. // Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань, 2003. С.65-139), однако историографические сюжеты в тексте книги во многом заслонили собой историко-психологические и историко-социальные подходы в изучении биографии ученого.

Новый этап в исследовании жизни и творчества Корбута начался с середины 2000-х гг. Анализ ранее не известных или малоизвестных документов: частных нарративных (воспоминания родных и близких историка), официальных делопроизводственных (гимназическая документация, персональные личные дела Корбута, судебные-следственные источники), фотоматериалов, а также всего творческого наследия историка позволил увидеть его таким, каким он был на самом деле – талантливым и честолюбивым, гордым и одновременно компромиссным, жертвой одних и палачом других, человеком, отрекшимся от своего прошлого, жестким прагматиком, подчинившим и свою жизнь, и свои исследования выстраиванию успешной карьеры «красного» профессора, склонявшегося перед властью, которая, в конечном счете, не оправдала его амбициозных ожиданий. При этом его биография была лишена многих характеристик, типичных как для классической научной «агиографии», так и для «агиографии» политической, «советской».

От «открытия» до «возвращения» в историю и историографию, от оценки – к переоценке и пересмотру, от описания индивидуального к выявлению общего и типического, а затем – атипичного и нехарактерного – именно так шло изучение жизни и творчества М.К. Корбута в отечественной историографии. Казалось бы, в таком подходе не было ничего принципиально нового. Между тем выявленная в конечном итоге «похожая непохожесть» этого человека и исследователя позволила вновь обозначить то разнообразие путей, по которым шло становление советской исторической науки, и то разнообразие судеб, которые наполняли этот процесс реальным, живым содержанием.